

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

УМЫСЕЛ И ЕГО ВИДЫ
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» – 40.03.01.2017.461ВКР

Руководитель работы,
старший преподаватель кафедры
_____ Кухтина Татьяна
Владимировна
_____ 2021 г.

Автор работы,
Студент группы Ю-461
_____ Князева Ирина
Сергеевна
_____ 2021 г.

Нормоконтролер,
старший преподаватель кафедры
_____ Бирюкова Дарья
Вячеславовна
_____ 2021 г.

Челябинск 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ.....	2
1	ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ УМЫСЛА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ	
1.1	Определение умысла в истории российского законодательства.....	5
1.2	Понятие умысла как формы вины, его сущность в современной теории уголовного права.....	10
2	ХАРАКТЕРИСТИКА ВИДОВ УМЫСЛА В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА	
2.1	Прямой и косвенный умысел.....	20
2.2	Иные виды умысла (определенный, альтернативный и неопределенный, заранее обдуманый и внезапно возникший, аффектированный и специальный).....	37
3	ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ «УМЫСЕЛ» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	
3.1	Проблемы установления умысла.....	47
3.2	Проблемы разграничения видов умысла.....	56
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
	БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена необходимостью всестороннего изучения умысла и его видов.

Уголовно-правовое учение об умысле, как и теория вины, в общем, может быть заслуженно отнесено к числу вопросов, всегда вызывавших научный интерес. Во многом это обусловлено спецификой самого явления вины, связанного со сферой психики, которая недоступна для непосредственно познания.

Известно, что большинство совершаемых преступлений являются именно умышленными, но не только это показывает важность изучения умышленной вины.

Установление субъективных признаков преступления вообще отличается большой сложностью, а их неправильное понимание часто приводит к серьезным ошибкам на практике, влияющим на судьбы людей. В связи с этим тщательное изучение и четкое решение в теории уголовного права проблемных вопросов умысла, равно как и любых вопросов в рамках субъективной стороны преступления, требуют постоянного внимания.

В отечественной теории уголовного права этой области научных исследований всегда уделялось существенное внимание. В советской и современной уголовно-правовой литературе вопросы умысла исследовали С.В. Векленко, И.Г. Гурвич, Н.Г. Иванов, В.В. Лунеев, Р.И. Михеев, Г.В. Назаренко, Б.С. Никифоров, А.А. Пионтковский, В.И. Ткаченко, Б.С. Утевский, В.А. Якушин и другие ученые. Труды этих и целого ряда других авторов внесли неоспоримо большой вклад в теорию уголовного права и способствовали развитию учения об умысле.

Вместе с тем следует отметить, что специальных исследований именно проблем умысла было сравнительно немного. При этом большинство таких монографических работ уделяли основное внимание отдельным вопросам

умысла, без его комплексной характеристики, и поэтому не затрагивали в полной мере ряд его существенных аспектов.

Целью выпускной квалификационной работы является комплексное исследование умысла и его видов.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть определение умысла в истории российского законодательства;
- проанализировать понятие умысла как формы вины, его сущность в современной теории уголовного права;
- изучить прямой и косвенный умысел;
- охарактеризовать иные виды умысла (определенный, альтернативный и неопределенный, заранее обдуманый и внезапно возникший, аффектированный и специальный);
- выявить проблемы установления умысла;
- установить проблемы разграничения видов умысла.

Объектом выпускной квалификационной работы выступают общественные отношения с умышленной формой вины.

Предмет выпускной квалификационной работы – это нормы, регулирующие умысел и его виды.

Методологическая основа исследования базируется на диалектических принципах познания и осознания общественных процессов и правовых явлений. В методическую основу исследования входит совокупность таких общенаучных методов, как анализ и синтез, описание и сравнение, а также частнонаучных методов (толкования правовых норм, сравнительно-правового, системно-структурного, формально-логического).

Теоретическую основу работы составили труды А.П. Козлова, В.С. Лебедевой, А.В. Наумова, Е.В. Немчинова, А.И. Коробеева, В.П. Кашепова и других авторов.

Эмпирическую базу выпускной квалификационной работы составили Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), положения иных российских правовых актов, материалы судебной практики.

Научно-практическую значимость исследования подтверждает то, что сделанные в работе выводы, и внесенные предложения могут использоваться органами государственной власти в целях совершенствования российского законодательства, регулирующего вопросы умысла и его видов.

Структура выпускной квалификационной работы состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ УМЫСЛА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

1.1 Определение умысла в истории российского законодательства

Умысел представляет собой «сложную психологическую категорию, которая представляет собой наиболее распространенную и опасную форму вины по действующему уголовному законодательству. На сегодняшний день юридическая конструкция умысла построена согласно отражению в его содержании интеллектуального и волевого элементов. При этом каждый из таких элементов в свою очередь обладает своими собственными структурными составляющими. Однако до того как стать сложной правовой формой институт умысла прошел длительный путь своего историко-правового развития»¹.

Юридическая конструкция умысла была известна еще в дореволюционном уголовном законодательстве. Так, по статье 48 Уголовного уложения 1903 года² «преступное деяние почитается умышленным не только когда виновный желал его учинения, но также, когда он сознательно допускал наступления последствия, обуславливающего преступность сего деяния». Согласно данному определению, «в рамках законодательной конструкции умысла в дореволюционном праве имел место только один элемент – волевой, который в зависимости от вида умысла мог быть выражен форме либо желания, либо сознательного допущения преступных последствий»³.

Вместе с тем наука уголовного права того времени уже знала о наличии и интеллектуального элемента умышленной формы вины, который был выражен в осознании совершенного лицом деяния.

¹ Немчинов Е.В. Эволюция законодательного представления о понятии умысла // Молодой ученый. 2018. № 12. С. 215.

² Уголовное уложение 1903 года. СПб.: Сенатская типография, 1903. С. 44.

³ См. выше. С. 45.

Так, по мнению Н.С. Таганцева: «всякая умышленная вина предполагает сознание учиненного виновным преступного деяния; но затем эта вина разделяется на два вида: первый – соответствующий прямому умыслу, когда виновный желал учинения преступного деяния, и второй – соответствующий умыслу эвентуальному, когда виновный допускал наступление тех последствий, которые обуславливали преступность учиненного им»¹.

Дальнейшее развитие законодательного представления об умышленной форме вины нашло свое отражение уже в первом советском уголовном законе 1922 года.

Так, статья 11 Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УК РСФСР) 1922 года² устанавливал, что «умышленно действуют те лица, которые предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступления».

Пропустив лексическую составляющую, можно прийти к выводу, что данное определение умысла во многом схоже с тем, что было приведено в Уголовном уложении 1903 года.

Вместе с тем оно обладает рядом существенных отличий в сравнении с предшествующей законодательной конструкции. «Первое отличие состоит в дополнении содержания дефиниции умысла такой важной составляющей как интеллектуальный элемент. Здесь данный элемент имеет форму предвидения последствий совершенного деяния. Второе не менее существенное отличие выражается в исключении из определения умысла указания на отношение к последствию, которое определяет преступность деяния»³.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. М.: Наука, 1994. С. 142.

² Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

³ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 142.

Однако следует заметить, что в приведенном виде дефиниция умышленной формы вины просуществовала недолго. Уже в 1924 году были приняты Основные начала уголовного законодательства Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) и Союзных Республик¹, а позже на их основе издали новый УК РСФСР 1926 года².

В соответствии со статьей 10 УК РСФСР 1926 года «действия признаются умышленными, если лицами в ходе их совершения предвиделся общественно опасный характер последствий их действий, при этом они желали этих последствий или сознательно допускали их наступление».

Единственное, но немало важное изменение нового определения умысла выражалось в отражении в нем качественной характеристики акта волевого поведения, а именно его общественной опасности.

Как справедливо замечают Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров, «результат произошедших законодательных изменений был обусловлен сближением определения умышленной вины с материальным определением преступления как общественно опасного действия, что в свою очередь поспособствовало приданию дефиниции умысла социального содержания»³.

Предположительно, то обстоятельство, что в содержании новой дефиниции законодателем был употреблен термин «действие» вместо «деяния» не имеет никакого дополнительного смыслового значения, так как и в том, и в другом случае реально говорится об акте волевого поведения, который находит свое выражение как в форме действия, так и бездействия.

Важнейший этап в развитии законодательного представления об умышленной форме вины связан с принятием в 1958 году Основ уголовного

¹ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

² Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

³ Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М.: Юридическая литература, 1972. С. 34.

законодательства СССР и союзных республик¹. По статье 8 Основ 1958 года «преступление признавали в качестве совершенного умышленно, если лицом, которое его совершило, сознавался общественно опасный характер его действия или бездействия, предвиделись его общественно опасные последствия и он желал их или сознательно допускал наступление этих последствий».

Как говорил Б.С. Никифоров: «Давая в статье 8 Основ новое, более совершенное определение умысла, законодатель, надо полагать, исходил из того, что это определение больше соответствует принятому в советском уголовном праве пониманию «преступления». Преступление по советскому уголовному закону это не просто причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, а совершение предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. Такая трактовка преступления – основа режима законности в уголовном праве и одного из важнейших проявлений этого – принципа точных составов»².

Помимо сказанного, «с включением в содержание умысла элемента «сознания» советское уголовное право избавилось от назревших проблем, имеющих связь с применением ответственности за совершение преступлений с формальными составами. Так, по прежнему законодательству за пределами определения умысла находились все формальные составы. Данный правовой дефект требовал регулярного восполнения путем широкого применения аналогии. При этом аналогия, как известно, представляет собой не самым лучший способ преодоления пробелов в уголовно-правовом регулировании»³.

¹Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (вместе с Основами законодательства) от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

² Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 28.

³ Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 29.

В последующем новый облик законодательная дефиниция умысла обрела в связи с принятием в 1996 году ныне действующего УК РФ. Согласно статье 25 УК РФ:

- «преступление, совершенное умышленно – это деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом;

- преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления;

- преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично»¹.

Исходя из этого, «могут быть выделены три принципиальных отличия новой законодательной конструкции умысла. Во-первых, раскрывая понятие умышленной вины, законодатель впервые закрепляется ее легальная классификация. То есть если ранее разграничение умысла в зависимости от психологического содержания (прямой и косвенной) велось лишь на уровне уголовно-правовой доктрины, то в настоящее время этому есть законодательное подкрепление»².

По словам А. П. Козлова, «собственно это нововведение является одним из основных достоинств современного уголовного закона»³.

Во-вторых, «изменения коснулись такой составляющей интеллектуального элемента прямого умысла как предвидение общественной опасности. Так, действующим УК РФ в отличие от своего предшественника выделяются две альтернативных ее формы: возможность и неизбежность.

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. М.: БЕК, 2016. С. 60.

² См. выше. С. 61.

³ Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2017. С. 603.

Причем по утверждению ряда ученых именно предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий является наиболее характерным и часто встречающимся признаком прямого умысла»¹.

В-третьих, «в современном уголовном законодательстве при характеристике волевого содержания косвенного умысла наряду с сознательным допущением выделяют и вторую разновидность нежелания наступления общественно опасных последствий, а именно: безразличное отношение к ним»². По мнению М.В. Селезнева: «Новация, в виде указания также и на безразличное отношение к последствиям, делает понятие косвенного умысла более завершенным»³.

Подводя итог настоящего исследования, следует отметить, что законодательное представление о понятии умысла прошло длительный путь своего развития. Однако проводимые в настоящее время многочисленные исследования в этом направлении дают серьезные основания полагать, что на этом потенциал в его совершенствовании отнюдь не исчерпывается.

1.2 Понятие умысла как формы вины, его сущность в современной теории уголовного права

Подавляющее большинство преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ, относится к числу умышленных. Умышленные преступления являются наиболее опасными преступлениями, чем преступления, совершенные по неосторожности, что подтверждается, в частности, отнесением законодателем к числу тяжких или особо тяжких преступлений только тех, которые совершены умышленно (части 4 и 5 статьи 15 УК РФ).

¹ Наумов А.В. Указ. соч. С. 61.

² См. выше. С. 62.

³ Селезнев М.В. Умысел как форма вины // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 12.

Умышленная форма вины подразделяется на прямой и косвенный. Однако в доктрине уголовного права не все ученые разделяют такое мнение. В частности, М.А. Чельцов пишет, что «определение косвенного умысла не нужно. Он предлагает заменить его специфической формой вины – «заведомость», которая включала бы в себя косвенный умысел и один из видов неосторожной вины – самонадеянность»¹.

С таким мнением нельзя согласиться, так как разграничение умысла на виды в уголовном праве имеет огромное значение, и говорить «о ненужности» является нецелесообразным.

В современном уголовном законе понятие умысла, так же как и понятие вины, отсутствует. Исходя из статьи 25 УК РФ, можно сказать, что выделяются и раскрываются только виды умысла. В статье 25 УК РФ определено:

1. «Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом.

2. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

3. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично».

Понятие умысла, так же как и вины, раскрывается через содержание ее видов.

Современные ученые-юристы в большинстве используют формулировку законодателя.

¹ Чельцов М.А. Спорные вопросы учения о преступлении // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 7.

Д.П. Потапов определяет умысел как: «...преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, предвидело преступные изменения в общественных отношениях, вызванные деянием, желало их, либо сознательно допускало»¹.

При анализе предложенной ученым дефиниции можно выделить то, что он не указал на интеллектуальный компонент умысла – осознание общественной опасности.

В литературе имеется и другое отличное от иных подходов определение умысла: «Умысел – это форма вины, характеризующаяся преступными целями, способами и результатами деяния»².

И.В. Паньков утверждает, что «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, а также его фактические обстоятельства, предусмотренные настоящим Кодексом в качестве признаков состава преступления, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия) и желало их наступления»³.

В предложенной дефиниции указание на осознание фактических обстоятельств, предусмотренные УК РФ как признаки состава преступления, является чрезмерным. По факту данное утверждение означает требование об осознании противоправности общественно опасного деяния.

А.Д. Чанышев пишет: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), то есть, приступая к их

¹ Потапов Д.П. Содержание интеллектуального момента умышленной вины: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1992. С. 14.

² Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Юрайт, 2019. С. 179.

³ Паньков И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 11.

выполнению, не исключало, что результатом их совершения станет преступление»¹.

Исходя из рассмотренных подходов, можно определить умысел так: умысел представляет собой осознание лицом характера и степени общественной опасности и уголовной противоправности своих действий (бездействий), определяющее положительно-волевое отношение к последствиям. В данной дефиниции позитивное волевое отношение предполагает, что при прямом умысле лицо относится к наступлению общественно опасных последствий положительно.

Согласно части 2 статьи 25 УК РФ прямой умысел выражается в трех признаках:

- 1) в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействий);
- 2) в предвидении возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий;
- 3) в желании их наступления.

Косвенный же умысел выражается, во-первых, в осознании лицом общественной опасности своих действий (бездействия); во-вторых, в предвидении возможности наступления общественно опасных последствий; в-третьих, в нежелании, но сознательном допущении этих последствий, либо безразличном отношении.

А.Б. Мельниченко справедливо отмечает: «сознание одних только фактических элементов не может обосновать ответственности лица за умышленное преступление»².

Осознание лицом общественной опасности «означает не только их отражение, но и оценку социальной сущности деяния. Осознание общественной опасности своего действия (бездействия) означает знание

¹ Чанышев Д.А. Вопросы дифференциации вины в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2019. С. 9.

² Мельниченко А.Б., Радачинский С.Н. Уголовное право. М.: Юрайт, 2019. С. 104.

преступником того, что его поведение оценивается обществом. Одновременно с этим личная оценка своего действия (бездействия) не обязательно должна совпадать с умыслом, данная оценка образует отражение в психике лица основных фактических и социальных черт совершаемого преступления. Осознание общественной опасности действий представляет собой знание их общественной оценки, а не личная оценка»¹.

В содержание вины входит общественная оценка деяния. При этом в доктрине уголовного права неоднозначно решается вопрос о противоправности общественно опасного деяния.

Некоторые ученые «предлагают включить осознание противоправности как один из признаков умысла, другие, наоборот, возражают против его включения в содержание умысла. Ученые, возражающие против включения в умысел осознание противоправности, оперируют следующими доводами: противоправность есть юридическое выражение общественной опасности. Поэтому всякое противоправное деяние общественно опасно, но не каждое общественно опасное деяние является противоправным»².

В обоснование первого подхода Ю.А. Демидов пишет: «Для признания преступления умышленным вовсе не требуется, чтобы лицо сознавало его запрещенность законом, поскольку сознание противоправности не включено в законодательную дефиницию умысла»³.

Анализ данного подхода позволяет сказать, что «если законодатель не включил в определение умысла признак противоправности, то это не означает, что осознание противоправности лежит за рамками умысла. Например, при совершении кражи предполагается корыстная цель, однако никто не отрицает данную цель на основании того, что она не указана в законодательной формулировке кражи. При этом в большинстве случаев совершения умышленного преступления лицо осознает общественную

¹Указ. соч. С. 104.

² Указ соч. С. 105.

³ Демидов Ю.А. Умысел и его виды по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 10.

опасность своего деяния и не может быть сомнений, что лицо осознает преступность и наказуемость совершаемого им преступления»¹.

Исходя из вышеуказанных суждений, можно сказать, что осознание противоправности входит в содержание умысла как один из его элементов.

Говоря о сознании, пишет А.И. Рагог, «имеется в виду отражение в психике человека реальных фактов и обстоятельств, имеющих место в настоящее время, а под предвидением понимается продукт опережающей деятельности человеческого интеллекта, то есть отражение тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем». Исходя из трактовки А.И. Рагога, «сознание и предвидение не идентичные, но тесно взаимосвязанные явления»².

Совершенным умышленно считается «такое общественно опасное деяние, в котором виновный предвидит наступление вредных последствий именно как результат его действий. Иными словами, предвидение последствий своего действия или бездействия невозможно без осознания тех причинно-следственных связей, которые делают наступление последствий обоснованным, необходимым. Наряду с этим точность предвидения зависит от личности лица, осуществляющего предвидение, его аналитических способностей и иных характеристик. Предвидение последствий всегда предполагает их осознание, и без этого невозможно. Поэтому осознание причинной связи, как и предвидение последствий, когда они предусмотрены составом преступления, образуют предметное содержание умысла. Для установления умысла не требуется точного представления механизма причинной связи, достаточно его осознания в общих чертах»³.

Предвидение при прямом и косвенном умысле различаются по характеру предвидения.

¹ Мельниченко А.Б., Радачинский С.Н. Указ. соч. С. 105.

² Рагог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М.: Проспект, 2008. С. 123.

³ Наумов А.В. Указ. соч. С. 64.

При прямом умысле лицо предвидит неизбежность или возможность наступления общественно опасных последствий, а предвидение только возможности характеризует косвенный умысел.

При прямом умысле «предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий означает, что сознание субъекта при данной ситуации исключает какие-либо обстоятельства, причины, в силу которых общественно опасные последствия не могут наступить. Это обусловлено тем, что виновный активно желает наступления негативных результатов и делает все возможное, чтобы такие последствия наступили. У лица имеется субъективное представление именно о неизбежности наступления общественно опасных последствий. Так, лицо, используя взрывное устройство для лишения жизни другого человека, предвидит неизбежность наступления смерти потерпевшего»¹.

В отличие от неизбежности, «предвидение возможности наступления негативных последствий означает, что виновный осознает, что своими действиями он выстраивает такие обстоятельства, при которых в данном конкретном случае данные последствия могут наступить, но могут и не наступить по каким-либо причинам»².

Приведенное можно проиллюстрировать на следующем примере. «Приговором Пензенского районного суда Пензенской области был осужден А. за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 105 УК РФ: «А., находясь в состоянии алкогольного опьянения, из-за личных неприязненных отношений с потерпевшим Д., вооружившись огнестрельным нарезным оружием, собранным самодельным способом, осознавая общественно-опасный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасного последствия в виде смерти Д. и желая этого, прицелившись в Д. умышленно произвел из вышеуказанного оружия один выстрел в область грудной клетки». Исходя из изложенных в приговоре

¹ Наумов А.В. Указ. соч. С. 64.

² Указ соч. С. 65.

обстоятельств, судья правильно признал установленным, что А. совершил убийство Д. с прямым умыслом, то есть производя выстрел с близкого расстояния в область грудной клетки, А. предвидел неизбежность наступления смерти Д. и желал этого»¹.

Отличительной чертой возможности наступления общественно опасных последствий при прямом умысле является то, что лицо предвидит реальную, а не абстрактную возможность их наступления.

Предвидение возможности общественно опасных последствий при косвенном умысле отличается от прямого умысла. Она состоит в том, что «при косвенном умысле предвидение включает в себя несколько альтернативных последствий, в доктрине уголовного права они получили названия главного и побочного. Главное последствие – это то, к чему виновный стремится при осуществлении своего поведения, в каждом конкретном случае оно может быть преступным или не преступным. Однако при косвенном умысле устанавливается побочное последствие, которое не является целью деятельности виновного и к достижению которого он не стремится, но которое может наступить одновременно с главным и непосредственно после него»².

При косвенном умысле предвидимые общественно опасные последствия всегда являются побочными.

Волевой признак умысла при прямом умысле характеризуется желанием наступления общественно опасных последствий, при косвенном умысле – в сознательном допущении или безразличном отношении лица к опасным последствиям. И то, и другое означают одобрительное, положительное отношение к наступлению общественно опасных последствий.

¹ Приговор Башмаковского районного суда Пензенской области по делу № 1-63/2019 от 22 ноября 2019 г. // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 09.12.2020).

² Наумов А.В. Указ. соч. С. 65.

Желание наступления общественно опасных последствий образует волевой признак прямого умысла.

В отличие от прямого умысла лицо, действующее с косвенным умыслом, не желает наступления общественно-опасных последствий, то есть они не являются ни конечной, ни промежуточной целью деяния. Отсутствие у лица желания, чтобы предвиденные общественно опасные последствия его действий наступили, может быть связано с безразличным отношением, или в сознательном допущении.

При косвенном умысле лицо сознательно допускает или безразлично относится к наступлению общественно опасных последствий.

Сознательное допущение означает, что виновный своими действиями вызывает определенную цепь событий и при этом сознательно, то есть намеренно, допускает объективное развитие вызванных им событий и наступление общественно опасных последствий.

Так, «Р., находясь в квартире у своего знакомого Т., распивали с ним спиртные напитки. Через некоторое время между ними случилась словесная перепалка, и в это время Т. сильно взял ее за руки, в связи с чем она взяла со стола кухонный нож и нанесла удар в переднюю часть грудной клетки, тем самым причинив ему ранение, расценивающееся как тяжкий вред здоровью, в результате чего Т. от полученных ранений скончался. В судебном заседании адвокат ссылалась на то, что в момент нанесения удара она не осознавала, что у нее в руках находится нож, и у нее отсутствовал умысел на причинение смерти пострадавшему, следовательно, действовала неосторожно, однако суд опроверг данные ссылки как необоснованные. Суд квалифицировал деяние Р. по части 1 статьи 105 УК РФ, установил, что Р. действовала умышленно, в момент нанесения удара осознавала общественную опасность своих действий, предвидела возможность наступления общественно опасных последствий, не желала, но сознательно их допускала. То есть, Р. осознавала, что, нанося удар ножом в жизненно важный орган (в грудную клетку), посягает непосредственно на его жизнь,

предвидела, что данные действия могут повлечь за собой смерть, сознательно допускала наступления таких последствий»¹.

Таким образом, осознание противоправности общественно опасного деяния наряду с осознанием общественной опасности характеризует содержание умысла.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что умысел является наиболее распространенной и опасной формой вины в уголовном праве. Уголовное законодательство не закрепляет определение умысла, так же как и вины; термин раскрывается через содержание ее видов. Ввиду этого, представляется возможным охарактеризовать умысел следующим образом: умысел представляет собой осознание лицом характера и степени общественной опасности и уголовной противоправности своих действий (бездействий), определяющее положительно-волевое отношение к последствиям.

¹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы по делу № 1-371/2019 от 12 ноября 2019 г. // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 09.12.2020).

2 ХАРАКТЕРИСТИКА ВИДОВ УМЫСЛА В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И В ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

2.1 Прямой и косвенный умысел

Категория вины, пожалуй, один из наиболее сложных для материализации и законодательного определения обязательный элемент субъективной стороны состава преступления. Если, к примеру, объективная сторона, характеризующая процесс или механизм проявления общественно опасного деяния вовне, то есть в окружающем реальном мире, более-менее поддается формализации (действие-бездействие), то вина – это сложный конгломерат волевой и мыслительной деятельности субъекта преступления, который, как правило, в полной мере недоступен для восприятия и объективной оценки сторонним наблюдателем, не имеет ярко выраженных внешних проявлений и, вследствие этого, трудно поддается законодательной оценке.

Деление вины на умысел и неосторожность, со всеми их разновидностями, на наш взгляд, достаточно условно и носит, скорее, сугубо оценочный характер, хотя законодатель закрепил эти формы вины в Главе 5 УК РФ. В практическом же плане провести четкую грань, например, между прямым и косвенным умыслом, пользуясь предложенной законодателем формулой: осознает – предвидит – желает (прямой умысел) либо осознает – предвидит – не желает, но сознательно допускает либо относится безразлично к наступлению последствий (косвенный умысел) – чрезвычайно сложно, а иногда и невозможно. Тем более, что ни в одной из конструкций составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ, нет никаких признаков-маркеров, позволяющих правоприменителю отличить прямой умысел от косвенного.

Конечно же, трудно предположить, что, к примеру, кража чужого имущества может быть совершена с косвенным умыслом, а вот даже такие деяния, как убийства, по мнению ряда ученых, допустимы как с прямым, так и косвенным умыслом, например, при убийстве матерью новорожденного ребенка (статья 106 УК РФ), убийстве, совершенном в состоянии аффекта (статья 107 УК РФ), склонении к совершению самоубийства или содействии совершению самоубийства (статья 110.1 УК РФ), причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (статья 113 УК РФ), причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (статья 114 УК РФ), заражении венерической болезнью (статья 121 УК РФ) и другие.

Полный разброс мнений наблюдается в определении вины в доведении до самоубийства (статья 110 УК РФ): называется и прямой умысел, и косвенный умысел, и преступная неосторожность. Есть мнение, что это преступление может быть совершено как с прямым, так косвенным умыслом. Другие авторы считают, что доведение до самоубийства может быть совершено только с неосторожной формой вины. Существует точка зрения о том, что доведение до самоубийства может быть совершено как умышленно, так и неосторожно.

Рассмотрим прямой и косвенный умыслы подробнее.

Прямой умысел – этот вид умысла характеризуется следующим образом: «гражданин знает о негативных последствиях своего поступка, хочет их и сознательно допускает. Желание наступления – это стремление личности достичь поставленной преступной цели, которая противоречит нормам морали, а также положениям закона. Все преступления и покушение на их совершение или простое приготовление к этому могут иметь место с этим видом умысла»¹.

¹ Немчинов Е.В. Указ. соч. С. 215.

Почти все умышленные злодеяния классифицируются как совершенные с прямым умыслом. Если же было установлено обратное, тогда правонарушение оценивается уже с точки зрения наступивших общественно-опасных последствий.

Примером преступления с прямым умыслом может послужить следующий: «вор запланировал проникнуть в чужое жилище с целью похищения чужих объектов имущества. Тут налицо прямой умысел, так как лицо не только осознавало преступность своих действий, но и хотело их наступления, несмотря на это»¹.

Другой пример умышленного преступления с прямым умыслом: уклонение от уплаты налогов. Рассмотрим подробнее. «Часто обвинительные приговоры мотивируются неисполнением контрагентами своих налоговых обязательств, отказом их руководителей от финансово-хозяйственной деятельности, а со стороны руководителей виновного налогоплательщика – отсутствием должной осмотрительности, не проверили реальную деятельность, налоговые обязательства и так далее. Таких решений много. Немало их с назначением реальных сроков наказания»².

Конституционный Суд Российской Федерации еще 27.05.2003 в постановлении № 9-П³ определял, что «применительно к преступлению, предусмотренному статьей 199 УК РФ, составообразующим может признаваться только такое деяние, которое совершается с умыслом и направлено на избежание уплаты налога в нарушение установленных налоговым законодательством правил. Это обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, не только установить в ходе расследования и судебного рассмотрения конкретного уголовного дела сам

¹ Указ. соч. С. 216.

² См. выше. С. 216.

³ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» от 27 мая 2003 г. № 9-П // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

факт неуплаты налога, но и доказать противозаконность соответствующих действий (бездействия) налогоплательщика и наличие умысла на уклонение от уплаты налога (пункт 1 части первой статьи 73 УПК РФ). Отсутствие в статье 199 УК РФ перечня конкретных способов уклонения от уплаты законно установленных налогов не дает правоприменителю оснований для произвольного привлечения к уголовной ответственности за неуплату налога, в том числе в случаях, когда налогоплательщик использует не противоречащие закону механизмы уменьшения налоговых платежей или допускает неуплату налога по неосторожности».

Согласно пункту 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 года № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»¹ уклонение от уплаты налогов возможно только с прямым умыслом.

Для доказывания прямого умысла Следственный комитет и Федеральная налоговая служба Российской Федерации выпустили совместное письмо от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ «Методические рекомендации «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумма налога (сбора)»².

В этом документе указывается, что «основным фактором при использовании подставных лиц является их подконтрольность выгодоприобретателю». Например, между поставщиком и покупателем есть

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» от 26 ноября 2019 года № 48 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

² Письмо ФНС России «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с «Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России) от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

несколько посредников, и один из них имеет яркие и однозначные признаки фирмы-«однодневки», в том числе не уплачивает налоги.

Организация (желающая получить необоснованную налоговую выгоду) заключает хозяйственные договоры с лицом, не исполняющим свои налоговые обязательства, причем деятельность фирмы-«однодневки», как правило, прямо или косвенно подконтрольна получателю необоснованной налоговой выгоды, перечисляет ему определенную договором сумму (в том числе сумму косвенных налогов).

Основная налоговая нагрузка приходится на фирму-«однодневку», в то время как производитель и конечный продавец имеют минимальную налоговую нагрузку. В описанном случае, по выводам Федеральной налоговой службы Российской Федерации, получателем необоснованной налоговой выгоды может выступать как производитель, так и конечный продавец.

В совместном письме указывается на необходимость установить принадлежность фирмы-однодневки (поставщику или покупателю) и доказать это.

Приведены примеры, которые могут указывать на прямой умысел. Это:

- представление обществом в инспекцию документов от имени контрагентов, которые фактически оформлялись представителями самого общества (учредитель и руководитель организации-налогоплательщика одновременно являлся учредителем и руководителем фирм-однодневок, работник налогоплательщика одновременно являлся руководителем фирмы-«однодневки»);

- установление обстоятельств, свидетельствующих о согласованности действий предпринимателя и его контрагентов, направленных на создание видимости соблюдения требований закона, с целью предъявления к вычету НДС и отнесения затрат в состав профессиональных налоговых вычетов: отсутствие реальной возможности поставки товара, отсутствие подтверждения доставки товара, отсутствие участия контрагентов в

движении товара, транзитный характер расчетов, обналичивание денежных средств, при этом участником контрагентов является сам привлекаемый к ответственности предприниматель.

В определении от 28.05.2020 Верховный Суд Российской Федерации по конкретному делу установил, что «доначисление НДС обществу обусловлено безосновательным переложением налоговых обязательств общества поставщика и контролируемых им лиц на налогоплательщика, тогда как непоступление НДС в бюджет в связи с неправомерными действиями поставщиков первого, второго и более дальних звеньев является основанием для налоговых претензий к этим компаниям и контролирующим их лицам, а не к обществу, причастность которого к действиям контрагентов не подтверждена»¹.

Верховный Суд Российской Федерации указал, что «в ходе налоговой проверки не установлены обстоятельства сговора налогоплательщика и его контрагентов, направленного на получение необоснованной налоговой выгоды, в том числе обстоятельства, свидетельствующие о том, что налогоплательщик контролировал деятельность общества контрагента и связанных с ним лиц, допустивших неуплату НДС при совершении операций..., определял поведение или иным образом влияя на их деятельность, являлся выгодоприобретателем по сделкам»².

Эти факты Верховным Судом Российской Федерации установлены в рамках налогового права, когда прямой умысел не нужно устанавливать (пункт 3 статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации³ (далее – НК РФ)).

¹ Определение Верховного Суда РФ от 28 мая 2020 г. № 05-ЭС19-16064 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

² Определение Верховного Суда РФ от 28 мая 2020 г. № 05-ЭС19-16064 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

Часто по результатам налоговой проверки поступки налогоплательщика квалифицированы по пункту 1 статьи 122 НК РФ как неосторожные, а в соответствии с пунктом 4 статьи 110 НК РФ вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц.

Например, по выводам апелляционного определения суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 22.08.2019 № 22-828/19¹ факт того, что «поставщики имели фиктивных директоров, не могут однозначно подтверждать отсутствие реального исполнения заключенных договоров, а свидетельствуют лишь о том, что обвиняемый директор не проявила должной осмотрительности при поиске контрагентов».

Аналогичное заключение было сделано Ростовским областным судом в апелляционном определении от 13.01.2020 № 22-3/20².

Отсутствие доказательств, не указание конкретных действий привели следствие к объективному вменению прямого умысла, что по Постановлению Конституционного суда Российской Федерации от 27.05.2003 №9-П недопустимо. Это указал Тверской областной суд в апелляционном определении от 12.03.2019 № 22-357/19³.

Свердловский областной суд в апелляционном приговоре от 25.05.2018 № 22-4001-18⁴ оправдал обвиняемого, указав, что «отсутствие должной осмотрительности и осторожности не свидетельствуют об умышленном характере действий виновного лица».

¹ Апелляционное определение суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 22 августа 2019 г. по делу № 22-828/19 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

² Апелляционное определение Ростовского областного суда от 13 января 2020 г. по делу № 22-3/20 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

³ Апелляционное определение Тверского областного суда от 12 марта 2019 г. по делу № 22-357/19 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

⁴ Апелляционный приговор Свердловского областного суда от 25 мая 2018 г. по делу № 22-4001-18 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

Так же рассудил Хабаровский краевой суд в апелляционном определении от 11.04.2017 № 22-605/17¹.

«Выявленные налоговыми проверками нарушения контрагентами своих налоговых обязанностей сами по себе не указывают на наличие умысла на уклонение от уплаты налогов», – вывод из апелляционного постановления Хабаровского краевого суда от 04.03.2019 № 22-341/19².

В кассационном определении Омского областного суда от 31.05.2012 № 22-2092/12³ указано, что «то, что обвиняемый не проявил должной осмотрительности, является лишь основанием для привлечения его к налоговой ответственности».

Итак, прямой умысел – явление распространенное. Однако вряд ли мы найдем такой состав преступления, в котором усматривается исключительно косвенный умысел. Помимо доведения до самоубийства, где, на наш взгляд, все-таки речь идет о косвенном умысле, и то с известной долей дискуссионности, некоторые ученые видят только косвенный умысел, например, в убийстве, совершенном в состоянии аффекта (статья 107 УК РФ).

Как указано в литературе, «смутное предвидение наступления общественно опасных последствий в результате нецеленаправленных действий исключает стремление к ним в виде желания. Стало быть, названные преступления совершаются не иначе как с косвенным умыслом»⁴. Следуя данной логике, к данной группе преступлений необходимо отнести и статью 108 УК РФ.

¹ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 11 апреля 2017 г. по делу № 22-605/17 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

² Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 4 марта 2019 г. по делу № 22-341/19 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

³ Кассационное определение Омского областного суда от 31 мая 2012 г. по делу № 22-2092/12 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

⁴ Немчинов Е.В. Указ. соч. С. 216.

Классическим примером косвенного умысла, пожалуй, следует назвать случаи, когда лицо, совершая умышленный поджог дома и имея прямой умысел на уничтожение чужого имущества, причиняет смерть находящемуся в этом доме лицу, заведомо зная о наличии в доме такого лица или лиц, то есть, осознавая общественную опасность содеянного, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий (смерти человека), не желая наступления указанных последствий или относясь безразлично к их наступлению.

Вместе с тем, рассмотренная ситуация не предусмотрена в одном составе преступления. В данном случае можно обратиться к части 2 статьи 167 УК РФ, которая предусматривает ответственность за умышленное уничтожение или повреждения имущества, повлекшее, как альтернатива другим квалифицирующим признакам (хулиганские побуждения, поджог, иной общеопасный способ) смерть человека или иные тяжкие последствия, но только по неосторожности. В нашем случае, при наличии процессуально доказанного наличия косвенного умысла, содеянное следует квалифицировать по совокупности статей 105 и 167 УК (пример идеальной совокупности), то есть опять-таки мы не можем говорить о наличии в уголовном законе отдельного состава преступления с косвенным умыслом как элементом субъективной стороны.

В практической же судебной-следственной деятельности в подавляющем большинстве случаев правоприменитель (дознатель, следователь, судья) просто-напросто игнорирует деление умысла на прямой и косвенный, не стремится их разграничить и учесть в обвинительном приговоре, в силу того, что форма умысла прямо никак не влияет на квалификацию содеянного и назначение наказания.

Между тем, «психологическое содержание вины, как считают многие ученые и практики, является ключевым среди тех основных категорий, которые характеризуют вину. Как известно, основными составляющими психического отношения, проявляющегося в конкретном преступлении,

являются сознание и воля. Соотношение сознания и воли порождает форму ту или иную форму вины. В свою очередь, содержание вины определяется совокупностью интеллекта, воли и их соотношением»¹.

Таким образом, определение вины как психического отношения лица к совершаемому им деянию и его последствиям дает возможность раскрыть психологическое содержание и социальную сущность вины. «Для решения вопроса о дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания большое значение имеет степень вины, которая, к сожалению, также не раскрывается в законодательстве, но нередко используется в уголовном праве. Это количественное выражение отношения лица к совершаемому деянию и его последствиям»².

Степень вины субъекта определяет и меру его ответственности. Уголовно-правовое значение деления вины на умысел и неосторожность, а умысел, в свою очередь, на прямой и косвенный, на наш взгляд, должно преследовать такие цели, как:

- объективная оценка степени общественной опасности преступления и личности виновного. Представляется, что прямой умысел свидетельствует о более высокой степени общественной опасности преступления, чем преступление, совершенное с косвенным умыслом;
- дифференциация уголовной ответственности и индивидуализации наказания;
- правильная квалификация совершенного деяния.

Между тем, уголовный закон, в его материальной части, не предусматривает законодательного закрепления такого понятия, как косвенный умысел, не учитывает зависимости квалификации преступления, а также вида и размера наказания от совершения преступления с косвенным умыслом. Это закономерно ставит вопрос о целесообразности законодательного определения такой формы вины, как косвенный умысел,

¹ Немчинов Е.В. Указ. соч. С. 216.

² Указ соч. С. 217.

тем более что он имеет очень большое сходство с преступным легкомыслием как наиболее опасной формой неосторожной формы вины.

В данной ситуации закономерно напрашивается вывод о либо:

- исключении из уголовного закона указания на косвенный умысел;
- внесении изменений в уголовный кодекс, касающихся указания на данную форму вину в конструкции ряда составов преступлений;
- издании постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации с разъяснением порядка учета прямого умысла при назначении наказания.

Первый вариант решения данной проблемы представляется на данный момент слишком радикальным, второй – технически трудно осуществимым в силу отсутствия единообразного подхода к делению умысла на прямой и косвенный. Остается уповать на третий вариант, как наиболее компромиссный и реальный.

Сравнивая прямой и косвенный умысел, следует отметить, что при обоих типах умысла гражданин вполне осознает, что его действия противоречат действующему законодательству России. Ведь именно они характеризуют самого человека как личность и указывают на его степень опасности для общества. Разница между прямым и косвенным умыслом в том, «хотел или нет гражданин наступления негативных последствий своего поступка. Их коренное отличие друг от друга заключается в волевой составляющей деяний:

- при первой форме вины человек знает и хочет наступления злодеяния, хотя и знает о его противоправной природе;
- при второй – не хочет, но допускает и понимает противозаконность своих действий»¹.

Схематично сравнение прямого и косвенного умыслов можно представить следующим образом (рисунок 1).

¹ Наумов А.В. Указ. соч. С. 65.

Рисунок 1 – Сравнение прямого и косвенного умысла.

В УК РФ определения данных терминов содержатся в части 2 и части 3 статьи 25 УК РФ, которые совпадают по своему смыслу с теми, что были приведены ранее. Именно эти статьи содержат разъяснения по поводу данных терминов, принятых в России.

Также суд всегда акцентирует внимание на мотивах преступления и на том, что руководило преступником в момент его совершения. Именно это помогает установить, какой конкретно умысел имел место.

Мотив, цель, эмоции и вина неразрывно связаны между собой, поскольку характеризуют психическую деятельность любого человека. В современном мире не существует случайностей, все имеет первопричину и ведет к чему-то.

Так и в УК РФ говорится о том, что совершение противоправного общественно опасного деяния влечет за собой наступление определенных последствий, выраженных в обязанности понести наказание. При этом, чтобы точно и справедливо определить вид и размер наказания для лица,

совершившего уголовно наказуемое деяние, и учесть все смягчающие и отягчающие обстоятельства дела, нужно классифицировать каждое деяние исходя из элементов состава преступления и их признаков.

Для того чтобы установить истинные причины преступного поведения личности, ученые и практикующие юристы стремятся определить мотив совершения того или иного деяния. Ведь именно благодаря характеру и специфике человеческой деятельности, связанным с такими характеристиками личности, как изобретательность и целенаправленность, предполагается возможным становление мотива как определяющего психического элемента субъективной стороны.

Значение мотива для определения субъективной стороны уголовных правоотношений стоит рассматривать в зависимости от его сферы и источников толкования. Например, юридическая психология рассматривает мотив преступления как внутреннее побуждение, вызывающее у лица решимость совершить преступление и руководящее им при его осуществлении.

При этом в науке уголовного права существует несколько точек зрения на определение понятия «мотив».

Например, некоторые ученые считают, что достаточно трактовки мотива, представленной психологической наукой, поскольку психология оперирует объективным результатом действий человека, основанным на внутреннем механизме побуждений.

В то же время противоположные высказывания на этот счет можно найти в других научных работах, в которых говорится о том, что побудительного явления недостаточно для описания всей масштабности и значимости мотива в определении субъективной стороны преступления. Он был сторонником разработки собственно-научного понимания этого понятия с целью его выделения в уголовном праве.

Мотив выполняет точные функции в определении субъективной стороны, такие как:

1) составообразующая функция, заключающаяся в образовании основного, квалифицированного либо привилегированного состава преступления;

2) функция, влияющая на назначение уголовного наказания; она образует обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, а также исключительные смягчающие обстоятельства, позволяющие применить положения статьи 64 УК РФ;

3) функция, оказывающая влияние на исполнение уголовных наказаний; она позволяет дифференцировать и индивидуализировать процесс исполнения уголовного наказания для каждого человека, нарушившего закон.

Из представленных направлений деятельности мотива можно сделать вывод о том, что он является элементом субъективной стороны состава преступления и выделяет желание как обязательный компонент действий правонарушителя, который находит свое отражение в определенной формулировке достигаемого результата.

Мотив имеет прочную связь с целью совершения уголовно наказуемого деяния, поскольку вместе эти элементы рассматриваются как основные компоненты психологической составляющей субъективной стороны состава преступления. При этом существование цели невозможно без мотива, так как мотив определяет, зачем и для чего люди совершают определенные действия, а цель указывает на их направления.

Известный специалист в области уголовного права А.Н. Игнатов в своих трудах определяет цель уголовно наказуемого деяния как идеализированное представление желаемого результата совершения преступления, к которому стремится правонарушитель¹.

¹ Игнатов А.Н. Уголовное право России . СПб.: Питер, 2019. С. 133.

Необходимо сказать о том, что цель не равна последствиям, наступившим в результате совершения преступления, так как она возникает на стадии подготовки субъекта к реализации своих действий.

Так, например, гражданин А. пришел на свадьбу своей бывшей девушки и выстрелом в голову убил ее жениха. Перед этим он выкрал охотничье ружье у старшего брата, заранее поставив себе цель, направленную именно на убийство соперника, при этом гражданин А. предвидел кончину жениха своей бывшей девушки как последствие уголовно наказуемого деяния.

Существуют определенные правила квалификации преступлений по мотиву и цели. При этом в определении этих квалификаций зачастую возникают определенные трудности.

Так, иногда между мотивом и целью совершения преступления прослеживается некоторая несоразмерность, когда само противоправное деяние представляется абсолютно бесцельным, но при этом определяется как явление, отличающееся общественной опасностью. В основном это преступления, совершенные лицом в состоянии сильного потрясения – аффекта. В связи с этим правоведы выделяют несколько разновидностей мотивов убийств в состоянии аффекта: месть составляет около 40% от общего числа указанных преступлений, ревности отводится около 30%, обида занимает приблизительно 5%, защита также около 5%, и около 20% преступлений связаны с «восстановление» справедливости.

В преступлениях, совершаемых определенным лицом с умыслом и неосторожностью, также прослеживаются цель и мотив, ярко выраженную окраску они приобретают в умышленных правонарушениях, поскольку выступают как обязательные элементы состава преступления или предусматриваются на законодательном уровне в качестве смягчающих или отягчающих обстоятельств. А в уголовно-наказуемых деяниях, совершаемых с косвенным умыслом, последствия не имеют какой-либо связи с мотивом. Поскольку они не вытекают из мотива и не определяются им.

Примером косвенного умысла может послужить спарринг двух боксеров, в результате которого один спортсмен убивает другого, проведя запрещенный удар. Изначально спортсмен, совершивший уголовно наказуемое деяние, предполагал возможность таких последствий, но не ставил целью убийство оппонента и не желал его кончины вследствие еженедельного спарринга. При квалификации каждого преступления определенное значение имеет мотив и цель, которые определяют направленность действий лица, совершившего общественно опасное деяние.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1 четко выражено мнение о необходимости полного и объективного исследования обстоятельств дела об убийстве, учитывая формы вины, мотив и цель, для верной правовой оценки и справедливого назначения наказания лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние.

Позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации насчет необходимости объективного исследования всех составляющих дела представляется достаточно обоснованной и логичной, потому что невозможно следовать основным принципам уголовного права, таким как справедливость, гуманность и виновная ответственность, без точного определения психологических характеристик субъективной стороны состава преступления.

Таким образом, без мотива и цели невозможно существование субъективной стороны и всего состава преступления, так как они являются взаимосвязанными элементами, благодаря которым возможно точное определение того, зачем и ради чего лицо совершило то или иное общественно опасное деяние. Именно мотив влияет на квалификацию преступления по статье Особенной части УК РФ.

В одном и том же деянии может быть предусмотрено несколько мотивов, которые позволяют квалифицировать преступление по какому-то одному пункту статьи. Однако если, например, преступник совершил

уголовно наказуемое деяние с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, то квалифицироваться его деяние будет только по пункту «к» части 2 статьи 105 УК РФ, исключая остальные пункты статьи, указывающие на мотив или цель. Эта позиция вполне обоснованна и исчерпывающа, так как мотивы – это динамические образования, подверженные изменениям во время осуществления преступного деяния.

Но при этом необходимо учитывать индивидуальность и исключительность каждого преступления, так как некоторые уголовно наказуемые деяния, совершенные с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, в судебной практике могут квалифицироваться по пунктам «б» и «к» части 2 статьи 105 УК РФ.

Например: убийство охранника автостоянки, исполняющего свои служебные обязанности и пытающегося предотвратить угон автомобильного средства третьими лицами. В этом случае преступление будет квалифицироваться по двум пунктам, так как убийство совершено с целью сокрытия угона (другого преступления) и воспрепятствования осуществлению потерпевшим своей служебной деятельности.

Следовательно, окончательное решение по учету совокупности целей и мотивов возможно лишь при детальном их рассмотрении¹.

Таким образом, выделяют два вида умысла, которые приняты и закреплены в законодательствах почти всех стран мира. Это прямой и косвенный умысел. Почти все умышленные злодеяния классифицируются как совершенные с прямым умыслом. Если же было установлено обратное, тогда правонарушение оценивается уже с точки зрения наступивших общественно-опасных последствий.

¹ Уголовное право России. Общая часть / под ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2018. С. 53.

2.2 Иные виды умысла (определенный, альтернативный и неопределенный, заранее обдуманый и внезапно возникший, аффектированный и специальный)

Помимо названного деления умысла на прямой и косвенный, «в теории и практике уголовного права имеют место и иные классификации видов умысла. Иногда в литературе данный факт искажен в утверждении, что помимо прямого и косвенного умысла существует и ряд других его видов (определенный, неопределенный и так далее). Однако все эти виды умысла по своему содержанию интеллектуального и волевого моментов имеют отношение либо к прямому, либо к косвенному, а значит, не определяют качественно отличных от них разновидностей умысла»¹.

По степени определенности (по характеру направленности) представлений субъекта о важнейших фактических и социальных свойствах совершаемого деяния умысел разделяют на:

- определенный (конкретизированный);
- неопределенный (неконкретизированный);
- альтернативный.

Определенный умысел характеризует «наличие конкретного представления о качественных и количественных показателях главного объективного признака. Данным представлением обуславливается определенное волевое отношение именно в отношении этого признака. Более верным представляется мнение тех юристов, которые полагают, что преступления, которые совершены с неопределенным умыслом, должны быть квалифицированы согласно фактически причиненным последствиям»².

«Если виновное лицо действует с определенным умыслом, то им четко определяется желаемый преступный результат. Определенный умысел может

¹ Уголовное право России. Общая часть / под ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2018. С. 54.

² Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. М.: Юрайт, 2020. С. 35.

быть простым, когда лицо желает достичь только одного определенного преступного результата, а также альтернативным, при котором лицо желает наступления двух или более общественно опасных последствий. Например, субъект стреляет из пистолета в сердце потерпевшего, тем самым он предвидит наступление его смерти, то есть действует с простым определенным умыслом»¹.

Неопределенный (неконкретизированный) умысел характеризует то, что «виновный имеет не индивидуально-определенное, а обобщенное представление об объективных свойствах деяния, то есть им сознаются только его видовые признаки.

Например, преступник наносит сильные удары ногами по голове, груди и животу, тем самым он предвидел, что в результате его действий будет причинен вред здоровью потерпевшего. Однако виновным не сознается размер этого вреда, то есть степени тяжести телесных повреждений. Такое преступление, как совершенное с неопределенным умыслом, должно быть квалифицировано как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, который фактически наступил»².

Если лицо действует «с неопределенным умыслом, то тем самым им допускаются несколько преступных последствий, которые им не конкретизированы.

Например, преступник нанес потерпевшему металлическим предметом несколько ударов по всем частям тела (голове, туловищу). При этом он допускал, что наступит ряд последствий, начиная от вреда здоровью любой тяжести вплоть до наступления смерти. Уголовная ответственность в случае неопределенного умысла должна наступать согласно фактически причиненному вреду. Если в приведенном примере наступит смерть потерпевшего, то виновный должен быть привлечен к ответственности за убийство. Если же потерпевшему будет причинен тяжкий вред здоровью, но

¹ См. выше С. 35.

² Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. В.В. Векленко. М.: Юрайт, 2020. С. 40.

при этом установят наличие прямого умысла на убийство, то следует квалифицировать деяние в качестве покушения на убийство»¹.

Современное уголовное законодательство не знает понятия неопределенного умысла.

В российской уголовно-правовой науке «неопределенный умысел характеризуется тем, что виновный в результате своих действий (бездействия) предвидит свои преступные последствия, но он не представляет их себе достаточно определенно, в ряде случаев даже не задумывается над тяжестью этих последствий»².

Проблема квалификации состоит в необходимости выбора квалифицировать содеянное как покушение на причинение более тяжких или как покушение на причинение менее тяжких последствий. Мнение ученых правоведов сторонников квалификации при не конкретизированном умисле разделились. В данном случае квалификация как покушения на более тяжкий из желаемого вреда приведет к отрицанию правового значения прямого не конкретизированного умысла. Квалификация должна осуществляться по фактически наступившим последствиям и должна быть дана правильная уголовно-правовая оценка.

Ряд ученых-юристов считают квалификацию подобных случаев как покушения на наименее тяжкое из желаемых последствий является более обоснованной.

Так Н.С. Таганцев в своих лекциях по уголовному праву приводил пример неопределенного умысла: «нормальным последствием должно быть простейшее, легкое, а более тяжкие результаты могут отягчать ответственность только в случае их действительного наступления»³.

¹ См. выше. С. 41.

² Сверчков В.В. Уголовное право. М.: Юрайт, 2020. С. 52.

³ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 248.

Правильное понимание признаков субъективной стороны состава преступления необходимо не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

«Альтернативный умысел является такой разновидностью определенного умысла, при котором виновный предвидит примерно одинаковую возможность наступления двух или большего числа индивидуально-определенных последствий. Преступления, которые совершаются с альтернативным умыслом, должны быть квалифицированы согласно фактически причиненным последствиям. Например, виновный делает выстрел в живот потерпевшему, тогда можно сказать, что он предвидит возможность наступления вследствие этого смерти потерпевшего или причинения тяжкого вреда его здоровью и желает или сознательно допускает наступление любого из этих последствий, то есть действует с альтернативным умыслом. В данном случае действия виновного лица должны быть квалифицированы как умышленное причинение тех последствий, которые фактически наступили. Исключением является наличие умысла именно на лишение жизни»¹.

По моменту формирования (по времени возникновения) умысел принято разделять на три следующих вида:

- заранее обдуманый;
- внезапно возникший;
- аффектированный.

Существует иное мнение, согласно которому «по приведенному критерию умысел делится только на два вида: заранее обдуманый и внезапно возникший, а последний в свою очередь подразделяется на простой и аффектированный»².

¹ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 52.

² Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Юрайт, 2019. С. 83.

Следует согласиться, что «рассмотрение аффектированного умысла целесообразно как самостоятельного вида, а не как варианта простого (внезапно возникшего) умысла, в силу того, что только аффектированный, а не любой внезапно возникший умысел законодатель рассматривает как основание для того, чтобы смягчить ответственность за умышленное причинение вреда»¹.

Умысел необходимо рассматривать в качестве заранее обдуманного, если его реализовали в преступлении через более или менее значительный отрезок времени после того, как он возник. В это время субъект укрепляется в решимости, что необходимо совершить общественно опасное деяние. Им учитываются различные противодействующие факторы, избираются способы и средства их преодоления, составляется план по осуществлению своего намерения.

В большинстве случаев заранее обдуманный умысел говорит о повышенной опасности субъекта преступления, о его настойчивости, а иногда – изощренности в достижении преступных целей.

Простой (или внезапно возникший) – это такой «умысел, который возник у виновного при нормальном психическом состоянии и реализовался сразу или после истечения короткого промежутка времени после его возникновения»².

В соответствии с психологическим содержанием и заранее обдуманной, и внезапно возникший умысел может являться как прямым, так и косвенным.

«Аффектированным умыслом указывается не столько на момент, сколько на психологический механизм зарождение умысла на совершение преступления. Повод для его возникновения состоит в неправомерных действиях потерпевшего в отношении виновного или его близких. Этими

¹См. выше. С. 83.

² Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Юрайт, 2019. С. 84.

действиями у субъектов внезапно вызывается сильное душевное волнение, которое затрудняет сознательный контроль над волевыми процессами. Уголовно-правовое значение аффекта – спорный момент в юриспруденции. Данное психологическое отклонение создаёт трудности при квалификации содеянного и дальнейшем определении наказания. Процесс доказывания также вызывает сомнения, поскольку аффект в уголовном праве – явление, значимое только на момент, когда было совершено деяние. При этом уголовный закон предполагает несколько норм, закрепляющих меры ответственности в случае обнаружения подобных преступлений и устанавливает точное определение аффекта»¹.

Сложность психологического явления, именуемого аффектом, заставляет задуматься о необходимости классификации различных видов его проявления. Первоначально в основу деления был положен признак эмоционального состояния, что привело к простейшему подразделению видов аффекта на положительный и отрицательный.

К большому сожалению, разработка данной классификации в отечественной и зарубежной научной литературе страдает, на наш взгляд, исследовательской однобокостью, так как психологи чаще всего рассматриваются аффект положительного характера.

Помимо этого, в психологической литературе выделяют такие виды аффекта, как:

- кумулятивный, «возникающий при условии пребывания личности в субъективно тяжелой ситуации достаточно долго. В итоге накопленное напряжение выражается в виде аффективного всплеска»;

- аномальный, когда взрывные аффективные реакции характеризуются патологическими измененными закономерностями развития и течения;

- аффект на почве алкогольного опьянения;

¹ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 52.

- патологический – «психическое расстройство, обладающее кратковременным характером, которому свойственны полное помрачение сознания и полная либо частичная амнезия»;

- физиологический, «его появление не зависит от психических заболеваний, а протекание определяется психологическими законами развития нормальных психических процессов»¹.

Законодательство Российской Федерации упоминает о физиологическом аффекте и не содержит никаких сведений о патологическом, хотя в психологии, как мы видим, физиологический и патологический аффекты – структурные элементы одной классификации.

Для правильного установления рассматриваемого психологического отклонения определяются признаки аффекта в уголовном праве.

К их числу, на наш взгляд, можно отнести следующие:

- связь с реальной, то есть имеющейся в действительности, ситуацией (отдаленные, вероятные обстоятельства, не имеющие отражения в объективной действительности, не способны вызвать состояние аффекта);

- эмоция должна обладать наивысшей степенью напряженности, имеющей физиологические корни (резкое сужение сосудов и так далее);

- временное изменение состояния сознания, не позволяющее лицу объективно мыслить и анализировать свои действия.

В типичных ситуациях аффект в своем развитии проходит три этапа:

- подготовительный;

- этап аффективных действий (взрыва);

- заключительный.

Аффект «возникает в ответ на уже происшедшее событие, следуя непосредственно за действиями (или словами) оскорбляющего или иного противоправного характера, и поэтому, в отличие от эмоциональных состояний, как бы сдвинут к концу событий. Данное эмоциональное

¹ Кейдунова Е.Р. Понятие и виды аффектов // Философия права. 2017. № 4. С. 36.

состояние возникает в непривычных для лица ситуациях. В психологическом плане оно выражается в слабости нервной системы, эмоциональной возбудимости, повышенной раздражительности лица, переживающего аффект. В состоянии аффекта эмоциональное напряжение достигает столь высокой степени, что наступают качественные изменения в психике и организме человека»¹.

Таким образом, от обычных действий аффективные отличают:

- отсутствие ясного сознания цели действия: осознается только цель, находящаяся в причинной связи с побуждением;
- неадекватность целям характера действий, затруднение сознательного контроля над ними;
- отсутствие продуманности осуществляемых действий.

При аффекте наступают следующие типичные проявления:

- заметное побледнение или, наоборот, эффект «красного помидора», нервная дрожь;
- видимое изменение зрачка;
- изменение тембра голоса.

Указанные изменения всегда проявляются в момент аффективного переживания. И это обстоятельство приобретает важное значение в тех случаях, когда встает вопрос о наличии состояния аффекта у лица, совершившего преступление.

Аффект – составляющая часть вины. Аффект сопровождается умыслом, но не спланированным, а вызванным определёнными обстоятельствами.

В уголовном праве для определения характера деяния, совершённого в рассматриваемом состоянии, требуется «установление следующих существенных для дела условий:

- умысел, как субъективная сторона деяния;

¹ Уголовная ответственность и наказание / под ред. И.А. Подройкиной. М.: Юрайт, 2021. С. 107.

- внезапность волнения;
- неконтролируемые действия, повлёкшие тяжкие последствия;
- недопустимое, негативное поведение со стороны пострадавшей стороны, без учёта того, было оно одномоментным или длилось на протяжении некоторого времени.

Последние два положения относятся как раз к объективной стороне дела, без них определить подобное состояние лица возможным не будет»¹.

Рассмотренную классификацию можно представить схематично следующим образом (рисунок 2).

Рисунок 2 – Виды умысла.

¹ Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Юрайт, 2019. С. 83.

Таким образом, для четкой и максимально объективной классификации преступлений различают разные виды умыслов. Эти понятия связаны между собой, так как предполагают осознание злоумышленником противоправности и аморальности своих поступков, но различаются разными факторами.

3 ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ «УМЫСЕЛ» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

3.1 Проблемы установления умысла

На практике немало проблем возникает, прежде всего, в связи с установлением умысла.

Вина – неотъемлемый элемент преступления. Она определяется внутренним психическим отношением к совершенному деянию. В связи с данным обстоятельством, процесс ее установления нередко вызывает определенные сложности. Такие сложности уже на протяжении длительного времени остаются распространенным поводом для дискуссий в научном мире.

«Масштабность и многогранность указанной проблемы в уголовном праве не единожды позволила ученым обратиться к ее рассмотрению на монографическом уровне. Однако, несмотря на большое количество научных работ в данном направлении, определенного консенсуса по установлению вины при совершении преступления ученые до сих пор не достигли. Это обстоятельство позволяет в очередной раз высказаться о ее отдельном аспекте, затрагивающем применение законодательно установленного признака «заведомость» при установлении умысла. Данный термин законодателем используется в более чем 90 составов преступлений, что составляет 35% от норм Особенной части УК РФ. Однако при столь частом использовании однозначного подхода к его применению при установлении субъективных признаков совершенного деяния нет. На данный факт уже обращалось внимание в научной литературе»¹.

Следует отметить, что, включая рассматриваемое понятие в структуру отдельных норм уголовного закона, законодатель уходит от его разъяснения

¹ Дядюн К.В. Проблемы толкования и применения критерия «заведомость» при квалификации убийств // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 86.

в нормативных правовых документах, и данное обстоятельство, в свою очередь, становится поводом для его научной трактовки и научного обоснования роли в конструкции вины.

Так, «комментируя термин «заведомость» при убийстве лица, находящегося в беспомощном состоянии, один из научных источников прямо отождествляет его со знанием обстоятельства беспомощного состояния»¹.

То же самое указано по отношению к убийству беременной женщины².

В отношении заведомости при ложном доносе (статья 306 УК РФ) этот же источник говорит, что «виновный, безусловно, сознает ложность, несоответствие действительности сведений о совершении преступления. Заведомость приравнивается к указанию на прямой умысел»³.

Подобным образом к объяснению признака заведомости подходит профессор А.В. Наумов. «Под убийством лица, находящегося в беспомощном состоянии, понимается осознание виновным неспособности потерпевшим оказать сопротивление. В условиях убийства беременной женщины заведомость означает обязательную осведомленность виновного о беременности потерпевшей. Также при ложном доносе лицо осознает, что сообщает заведомо ложные сведения о совершении преступления»⁴.

Еще один источник рассматривает «заведомость при убийстве лица, находящегося в беспомощном состоянии, как очевидное, несомненное и бесспорное осознание факта беспомощности состояния. По отношению к беременности потерпевшей виновный должен быть осведомлен о наличии состояния беременности. Причем эта осведомленность исключает возможность сомнений и предположений у убийцы относительно наличия состояния беременности у потерпевшей. При ложном доносе заведомость свидетельствует только о прямом умысле, где виновный на момент

¹ Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.И. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 115.

² См. выше. С. 118.

³ См. выше. С. 119.

⁴ Наумов А.В. Указ. соч. С. 170.

сообщения достоверно знает о том, что предоставляемая информация ложная»¹.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в указанном источнике авторы также идут по пути отождествления понятия заведомости с прямым умыслом. Тем не менее, подобный подход вызывает определенные сомнения.

Еще «в прошлом столетии была высказана мысль о том, что заведомость относится к интеллектуальной сфере, и делать из указания на нее непосредственно вывод о прямом умысле, как известно, включающем в себя определенный волевой момент, непозволительно. В целом же несложно заметить, что все вышеуказанные источники едины во мнении о трактовке понятия заведомость как о достоверности и убежденности виновного в наличии у объекта преступного воздействия отдельных характеризующих особенностей (беспомощное состояние, беременность, ложность сведений и так далее). Данный подход к объяснению рассматриваемого термина не подлежит оспариванию»².

Совершенно очевидно, что мнение о законодательном использовании термина «заведомо» и имеющаяся на сегодняшний день проблема его практического применения позволяют ряду ученых, затрагивающих вопросы вины в уголовном праве, дискутировать о роли и значении рассматриваемого критерия в УК РФ.

Трактуя термин «заведомость» как заранее известное, достоверное знание о юридически значимых фактах, некоторые авторы считают, что подобный подход позволит разграничить предумышленные действия и аффективные и надлежащим образом учесть все характеристики вины (форму, сущность, степень, объем) при назначении наказания. Причем

¹ Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 182.

² Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 129.

представленное разъяснение термина «заведомость» предлагают закрепить в рамках постановления Пленума Верховного Суда.

Данное предложение представляется не совсем целесообразным, так как проблем с интерпретацией рассматриваемого критерия в научном сообществе не наблюдается. Проблема, как представляется, кроется в применении указанного критерия в условиях установления вины, то есть в установлении осознания либо неосознания виновным указанных законодателем отличительных признаков объекта преступного воздействия, где, собственно говоря, возможно проявление субъективной ошибки.

Важно обратить внимание на то, что в рамках анализа конкретной уголовно-правовой нормы учеными нередко допускается распространение действия термина «заведомость» на иные признаки, обозначенные в диспозиции.

Так «в пункте «в» части 2 статьи 105 УК РФ заведомость, отнесенную законодателем к осознанию виновным беспомощного состояния потерпевшего, предлагается рассматривать и по отношению к осознанию возраста жертвы (малолетство), объясняя это требованиями принципа субъективного вменения»¹.

Не соглашаясь с данным высказыванием, хотелось бы заметить, что уголовное законодательство не приемлет расширенного толкования.

В рамках исследования значения категории «заведомость» в уголовно-правовых нормах нельзя не обратить внимания на позицию законодателя, который уже не единожды, внося поправки в УК РФ, отказывался от использования исследуемого термина в преступлениях против несовершеннолетних либо не достигших определенного возраста. Не объясняя своего решения, законодатель просто исключил из ряда уголовно-правовых норм критерий «заведомость».

¹ Дядюн К.В. Указ. соч. С. 88.

В результате возникли различные подходы к вопросу применения рассматриваемого термина.

Некоторые ученые «попытались объяснить действия законодателя сложностью установления этого критерия в процессе доказывания при расследовании и судебном рассмотрении дела данной категории, а также повышение роли рецидива и роста преступлений данного вида»¹.

Исключение критерия «заведомость», по мнению А.Ю. Епихина, «вызывает опасение возникновения процесса расширения репрессивной роли уголовной политики и, как результат этого, привлечение невиновных лиц к уголовной ответственности либо к более строгому уголовному наказанию»².

Продолжая рассуждать о последствиях исключения признака заведомости в отношении возраста или несовершеннолетия потерпевшего в ряде уголовно-правовых норм, ученый полагает, что «это обстоятельство может негативно отразиться на расследовании уголовных дел данной категории в части соблюдения принципа вины и запрета объективного вменения. Объясняя столь категоричное заявление, он ссылается на существовавшую до указанных изменений необходимость установления наличия осознанности и достаточных сведений у обвиняемого о недостижении потерпевшей возраста 16 лет»³.

К этому, как полагает А.Ю. Епихин, обязывал признак заведомости. Далее он заявляет, что «в данной ситуации наблюдается тенденция к некоторому отходу от субъективного вменения, при которой отсутствие достоверных сведений о возрасте несовершеннолетнего и вменение совершения преступления по объективным признакам (возрасту

¹ Дядюн К.В. Указ. соч. С. 88.

² Епихин А.Ю. Проблемы исключения признака заведомости из диспозиций отдельных составов преступлений на основании Закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ // Российский следователь. 2013. № 14. С. 13.

³ См. выше. С. 14.

несовершеннолетнего) находятся в прямом противоречии с запретом объективного вменения»¹.

Как представляется, одной из причин отсутствия в научном сообществе единого понимания роли рассматриваемой категории в уголовном законодательстве является попытка определить ее значение без привязки к законодательной формуле умысла.

В свое время Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров прямо указывали на «допущение учеными небрежного обращения с терминологией закона в рамках комментирования признака заведомости, содержащегося в конструкции отдельных уголовно-правовых норм»².

Представляется, что и сегодня однозначно опровергнуть данное утверждение нельзя.

Коснемся особого законодательного указания на «достоверность знаний виновным отличительных признаков объекта преступного посягательства. Именно это значение видится более приемлемым в качестве объяснения применения рассматриваемой категории в уголовно-правовых нормах. Но вот на актуальность данного объяснения следует обратить внимание. В середине прошлого столетия этот вопрос поднимался в научной литературе, и применение законодателем термина «заведомость» рассматривалось как критерий разграничения формы вины в преступлениях. Именно в условиях действия УК РСФСР 1960 г. актуальность данной проблемы не вызывала сомнений, так как в законе не было прямого указания на форму вины в нормах Особенной части. И в процессе правоприменения зачастую возникал вопрос: умышленно или неосторожно совершается то или иное преступление»³.

Рассматриваемая категория однозначно определяла обязательное наличие умысла при совершении преступления.

¹ Епихин А.Ю. Указ. соч. С. 15.

² Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 220.

³ См. выше. С. 221.

В настоящем УК РФ в части 2 статьи 24 существует прямое указание на разграничение формы вины применительно к составам преступлений. Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Профессор А.В. Наумов по этому поводу говорит следующее: «в случаях, когда диспозиция статьи Особенной части УК РФ не конкретизирует форму вины, предусмотренное этой статьей преступление может быть только умышленным. Учитывая данное обстоятельство, в настоящее время вопрос разграничения форм вины в преступлении решен на законодательном уровне, и необходимость определять форму вины с учетом различных факторов, в том числе и с помощью используемой законодателем терминологии, отпала. Сказанное позволяет предположить, что в нынешних условиях категория «заведомость» утрачивает свое предназначение и продолжает оставаться в нормах уголовного кодекса исключительно как пережиток старого закона»¹.

Для убедительности высказанного утверждения необходима его более детальная аргументация.

Выше не раз было отмечено, что заведомость в нормах уголовного закона подразумевает достоверность знаний об обстоятельствах в отношении объекта преступного воздействия, на которые обращает внимание законодатель в отдельных составах преступлений. Также было определено, что критерий «заведомость» относится к интеллектуальному моменту умысла.

Учитывая указанные условия, следует обратить внимание на законодательную формулу умысла, закрепленную в статье 25 УК РФ, причем, оставив за пределами рассмотрения волевой момент. В ней законодатель установил, что лицо должно осознавать общественную

¹ Наумов А.В. Указ. соч. С. 392.

опасность своих действий (бездействия), предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий.

Применяя данную формулу к конкретному составу преступления (возьмем для удобства те же составы преступлений, на которые было обращено внимание выше), получаем, что виновный должен осознавать, общественную опасность (противоправность) своих действий, направленных на лишение жизни человека, а также предвидеть опасные последствия своих действий в виде смерти человека. А если законодатель указывает на определенные отличительные характеристики потерпевшего (беспомощное состояние, беременность), то, исходя из принципа вины и формулы умысла, сознанием виновного должны быть охвачены и эти обстоятельства. В противном случае деяние должно квалифицироваться как простое убийство.

Подобной трактовке подлежит интеллектуальный момент умысла при ложном доносе. «Сознанием виновного должно быть охвачено, что предоставление ложных сведений представляет опасность для общества, и он, предоставляя ложные сведения, причиняет вред общественным интересам. При отсутствии в сознании виновного признака ложности действия лица нельзя признать преступлением»¹.

Теперь, применяя ту же формулу умысла к тем же составам преступлений, попробуем провести подобный анализ интеллектуального элемента умысла, но уже с учетом признака заведомости. При этих условиях виновный должен осознавать общественную опасность (противоправность) своих действий, направленных на лишение жизни человека, находящегося в беспомощном состоянии (или в состоянии беременности), достоверно знать, что потерпевший находится в беспомощном состоянии (в состоянии беременности), предвидеть опасные последствия своих противоправных действий, выражающихся в смерти лица, находящегося в беспомощном состоянии (беременной женщины).

¹ Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 221.

Получается, что в границах сознания виновного обязательно (согласно формуле умысла) должно найти отражение то, что его действия совершаются в отношении лица с определенными признаками (беспомощное состояние или беременность), он еще должен достоверно знать о факте беспомощного состояния или беременности.

Возникает вопрос, насколько уместно установление его осведомленности в отношении установленных законодательных характеристик объекта преступного воздействия (чего требует категория «заведомость»), если этих же знаний непосредственно требует формула умысла.

При рассмотрении данного вопроса нельзя не учесть мысль Г.А. Есакова о том, что «границы или оттенки осознания простираются от достоверности знаний до допустимости отдельных особенностей, указанных в уголовно-правовых нормах»¹.

Также нельзя не вспомнить В.Н. Кудрявцева, который интеллектуальную сторону психического отношения к отдельному объективному признаку сводит к двум вариантам: «сознавал – не сознавал». Более тонкие различия психического отношения, как указывает ученый, не должны влиять на разграничение преступлений².

Как представляется, законодательная формула умысла не позволяет изменить квалификацию преступления при условии, что виновный не достоверно знал, а допускал, исходя из каких-либо характеризующих признаков, те обстоятельства, что лицо находится в беспомощном состоянии или в состоянии беременности.

Более того, законодатель не во всех составах преступлений, предполагающих умышленную форму вины, использовал термин «заведомость». Но в то же время «данное обстоятельство не дает право

¹ Есаков Г.А. Осознание возраста потерпевшего лица в половых преступлениях: позиция судебной практики // Уголовное право. 2011. № 6. С. 16. С. 15–17.

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2004. С. 172.

игнорировать установление в рамках сознания виновного отражения отличительных признаков объекта преступного воздействия, невзирая на его достоверный или допустимый характер. Допустимость не означает заблуждение виновного в отношении отдельных фактов, и соответственно говорить о фактической ошибке, которая при определенных обстоятельствах исключает вину, не приходится. В итоге напрашивается вопрос: для чего необходимо дублирование. Возможно, именно в рассмотренном аспекте и заключается проблема применения признака «заведомость» в уголовно-правовых нормах, о котором неустанно говорят в научной литературе. Как вариант ее решения – исключение критерия «заведомость» из УК РФ, что, собственно, и отмечается в процессе внесения законодательных изменений, указанных выше»¹.

В завершение хотелось бы высказать несогласие с опасением ряда ученых по поводу отступления от принципа субъективного вменения в результате секвестирования категории «заведомость» в конструкции составов преступлений Особенной части УК РФ. Именно имеющаяся законодательно закреплённая формула умысла при надлежащем ее применении не позволит использовать объективное вменение лишь по факту наличия обстоятельств у объекта преступного воздействия без осознания этих обстоятельств виновным.

3.2 Проблемы разграничения видов умысла

Прямой и косвенный умысел – это разновидности одной и той же формы вины, поэтому между ними много общего.

Интеллектуальный элемент обоих видов умысла характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния и предвидением его общественно опасных последствий.

¹ Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 222.

Общим для волевого элемента прямого и косвенного умысла является положительное, одобрительное отношение к наступлению предвидимых общественно опасных последствий.

Тем не менее, от прямого же умысла, когда общественно-опасный вред необходим как прямой результат деяния и является способом удовлетворения потребности, следует отличать умысел косвенный.

Данный вид умысла характеризуется, прежде всего, тем, что «вред есть промежуточное звено, частность на пути либо к цели, либо непосредственно к потребности, в отношении которой и есть умысел прямой, но они (цели, потребности) либо ненаказуемы, либо являются элементами субъективной стороны других видов преступлений, либо квалифицированным составом. В данном случае вред – прямо не желаемое, но допускаемое следствие целенаправленного поведения, необходимое отягощение в процессе достижения основной мотивобусловленной цели»¹.

При условном умысле «преступник ставит себе определенную цель, которую он желает осуществить. Эта цель может иметь преступный характер, но не обязательно. При этом могут наступить такие побочные последствия или результаты, которые являются преступными.

В целом подавляющее большинство специалистов разграничивают косвенный и прямой умысел исключительно по вышеописанному волевому критерию, когда лицо при косвенном умысле прямо вреда не желает, но сознательно его допускает или относится к нему безразлично, что подтверждает наши выводы о вреде в данном случае как объективно существующем «побочном» последствии действий, направленном в основе своей на другую цель и удовлетворяющем иной мотив»².

Однако при анализе научных практических источников в этой области теории квалификации преступлений, не обсуждая вопроса о предвидении неизбежности общественно опасных последствий, недостаточно четко на

¹ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 67.

² См. выше. С. 67.

наш взгляд акцентируется внимание на том факте, что предвидение возможности общественно опасных последствий при прямом умысле кардинально отличается по своему содержанию от аналогичного признака интеллектуального элемента (предвидения возможности общественно опасных последствий) косвенного умысла.

Принято считать, что «по своему интеллектуальному моменту косвенный умысел во многом совпадает с прямым умыслом. При прямом умысле лицо предвидит как возможность, так и неизбежность наступления преступного результата. При косвенном умысле предвидение виновного связывается лишь с возможностью его наступления. Эта особенность косвенного умысла тесно связана с его волевым моментом, по которому и происходит основное различие этих видов умысла»¹.

Различие в содержании прямого и косвенного умысла заключается в неодинаковом характере предвидения: при прямом умысле виновный предвидит, как правило, неизбежность, а иногда – реальную возможность, при косвенном же – только реальную возможность наступления общественно опасных последствий. Однако главное, решающее отличие коренится в волевом элементе.

Характер предвидения оказывает большое влияние на волевое содержание преступления. При косвенном умысле предвидение носит менее конкретный характер.

Полагаем, что жесткая привязка интеллектуального признака «возможность» к волевому элементу лишает этот самостоятельный и законодательно закрепленный признак юридически значимого содержания, подлежащего отдельной юридической оценке при квалификации.

Различие волевых элементов прямого и косвенного умыслов и так лежит на поверхности, не вызывая проблем в их трактовке. Но, полагаем, это не значит, что именно этот элемент вины является превалирующим над

¹ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 50.

интеллектуальным, который, в свою очередь, как правило, представляется как бы обслуживающим, что не основано на законе.

Каждый элемент любой системы, в том числе и «вины», является необходимым именно по причине обладания особым конкретным содержанием, и именно поэтому в нее включен законодательно.

Необходимо «акцентировать внимание как на содержании признака «возможность» при прямом умысле, так и показать явное отличие содержания этого же признака в умысле косвенном и его квалифицирующее значение, для наглядности даже безотносительно волевого элемента, используя анализ как метод разграничения составных элементов системы с целью уяснения роли в системе каждого из них. Предвидение возможности общественно опасных последствий при разных видах умысла существенно различаются, так как в данном случае мы имеем дело с предвидением последствия с разных сторон и с разной внутренней оценкой данной возможности»¹.

Как отмечалось выше, возможность вреда при прямом умысле есть допущение обоснованного опасения субъекта за вероятность недостижения последнего в связи с объективными препятствующими факторами и возможностями самого субъекта. В таком случае логика законодателя ясна и понятна.

Полагаем, в прямом умысле, как это ни удивительно, именно признак неизбежности общественно опасных последствий не столь характерен, как их возможность.

Иными словами, предвидение неизбежности есть всегда прямой умысел, но это никак не означает доминантность этого признака хотя бы потому, что неизбежность результата целенаправленных действий – достаточно затруднительная категория в объективно непредсказуемом мире.

¹ Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 222.

Понимание содержания признаков, характеризующих умысел косвенный и прямой, «имеет, в первую очередь, прямое прикладное правоприменительное значение при квалификации неоконченных составов, для квалификации деяний, причинивших вред дополнительным объектам, отграничения умышленных деяний от неосторожных, что может вызывать затруднения на практике. Кроме того, часть составов преступлений, указанных в особенной части уголовного закона, может быть, как мы указывали выше, выполнена исключительно с прямым умыслом»¹.

Так, например, «по приговору Волгоградского областного суда З. признан виновным в покушении на убийство (преступление не было доведено до конца по независящим на него обстоятельствам). Суд, правильно установив фактические обстоятельства дела, касающиеся причинения З. вреда здоровью С., необоснованно квалифицировал его действия по части 3 статьи 30, части 1 статьи 105 УК РФ. Как указано в приговоре, осужденный, нанося потерпевшему множественные удары ногами по груди и голове, сознавал, что своими действиями совершает его убийство, предвидел возможность наступления его смерти и сознательно допускал ее наступление. Суд пришел к выводу о совершении З. покушения на убийство С. с косвенным умыслом, в то время как в соответствии с уголовным законодательством покушение на это преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Поэтому действия З. переквалифицированы на часть 1 статьи 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»².

Основываясь на выводах науки уголовного права о толковании закона и судебной практике, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно ориентировал правоприменителя по вопросам квалификации деяний по

¹ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 50.

² Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за 2020 год // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 30.03.2021).

видам умысла, а также отграничения данной формы вины от неосторожности.

Квалификация действий субъекта по видам умысла в зависимости от интеллектуально-волевой конструкции субъективной стороны наглядно представлена в рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о поджогах: «Если в результате поджога собственного имущества причинен значительный ущерб чужому имуществу либо имуществу, которое являлось совместной собственностью виновника пожара и иных лиц, действия такого лица, желавшего наступления указанных последствий или не желавшего, но сознательно допускавшего их либо относившегося к ним безразлично, надлежит квалифицировать как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога»¹.

Как видно из предложенной рекомендации, действия виновного признаются умышленными не только в том случае, когда причиненный вред являлся самоцелью деяния. Иными словами это происходит и в том случае, когда посягательство непосредственно направлено на иной объект, а причиненный вред является дополнительным вредным последствием наряду с основным, при условии, что лицо прямо не желало данного вреда, но сознательно допускало его либо относилось к нему безразлично.

Дополнительно следует обратить внимание на то, что законодательная формулировка интеллектуального момента легкомыслия сходна с интеллектуальным моментом косвенного умысла. Поэтому всегда возникает необходимость проводить разграничение между этими видами вины.

«Первая отличительная черта – в содержании предвидения. При косвенном умысле виновный предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий. Этот вывод предопределен содержанием

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» от 5 июня 2002 года № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

первого интеллектуального момента – осознанием общественно опасного деяния. Лицо предвидит, что совершение этого деяния (например, выстрел в жертву) приведет к конкретному последствию, то есть смерти именно этого потерпевшего.

При легкомыслии виновный предвидит лишь абстрактную возможность наступления общественно опасного последствия. В приведенном примере водитель грузовика предвидит, что в подобной ситуации при превышении скорости может произойти наезд на велосипедиста или пешехода, но исключает эту возможность для себя.

Вторая отличительная черта заключается в содержании волевого момента.

При косвенном умысле субъект, не желая наступления общественно опасных последствий, тем не менее, принимает их, он сознательно их допускает или относится безразлично.

При легкомыслии виновный не желает, сознательно не допускает, не относится безразлично. Наоборот, сознание и воля его активны, он прикладывает волевые усилия на их предотвращение. При этом рассчитывает на реальные обстоятельства. Но решение оказывается самонадеянным, усилия недостаточными, и преступные последствия наступают»¹.

Установление отмеченных различий необходимо по каждому уголовному делу, связанному с причинением смерти, тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, так как опасность умышленного причинения отмеченных последствий неизмеримо выше, чем при неосторожной вине (убийство с косвенным умыслом – часть 1 статьи 105 УК РФ – от шести до пятнадцати лет лишения свободы; причинение смерти по легкомыслию – часть 1 статьи 109 УК РФ – наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо

¹ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 51.

принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок).

В судебной практике, также встречаются ошибки при квалификации. Например, «органами предварительного следствия П. обвинялся по части 1 статьи 111 УК РФ в том, что будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры с К., действуя умышленно, нанес последнему не менее трех ударов рукой по лицу, причинив следующие телесные повреждения: рана кожи верхней губы справа, ссадина слизистой верхней губы справа, которые вреда здоровью не причинили, так как не повлекли за собой кратковременного расстройства здоровья; закрытый винтообразный перелом нижней трети большеберцовой кости, который составил тяжкий вред здоровью.

В судебном заседании обвинитель предложил переqualифицировать действия П. по части 1 статьи 118 УК РФ, так как ни прямого, ни косвенного умысла на причинение перелома ноги потерпевшему у подсудимого П. не было установлено, и он не мог предполагать, что удары по лицу приведут к подобным последствиям, поэтому в указанном случае имеет место неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью. С такой квалификацией согласился и суд»¹.

Небрежность – это второй вид неосторожной формы вины. Часть 3 статьи 26 УК РФ определяет ее следующим образом: «Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия».

«Интеллектуальный момент небрежности отличает ее от остальных видов вины. Виновный не сознает общественную опасность совершаемого деяния, не предвидит даже возможности наступления преступных

¹ Обзор практики Верховного суда Российской Федерации за 2018 год // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 30.03.2021).

последствий. Если лицо не осознает характера своих действий и не предвидит возможность наступления преступного результата, то должно ли оно нести уголовную ответственность. Данный вопрос издавна представлял интерес для теории уголовного права и судебной практики»¹.

Были выдвинуты две теории.

«Первая – «теория среднего человека», которая возникла еще в римском праве. Средний человек – это как бы «объективный масштаб», которым пользуется судья. И если он придет к выводу, что подсудимый подходит под этот масштаб, то выносит обвинительный приговор. Особенности, свойства конкретного лица при этом не учитывались. Такой подход к пониманию небрежности создавал основу для субъективизма, все зависело от мнения судьи»².

«Субъективный критерий (мог предвидеть) связан с индивидуальными особенностями лица, причинившего вред: специальное образование; служебное положение; в каких местах, при каких условиях протекала его трудовая деятельность и так далее.

Объективный критерий (долженствование, должен предвидеть) – это объективно существующая нормативная урегулированность должного поведения, при котором будут исключены общественно опасные последствия.

Должное поведение определено законом, служебными инструкциями, наставлениями, уставами, правилами человеческого общежития и так далее. Только при установлении этих критериев возможно привлечение лица к уголовной ответственности за причиненный вред общественным отношениям. Чаще всего небрежность имеет место при нарушении правил охраны труда, эксплуатации транспортных средств, халатности»³.

¹ Сверчков В.В. Указ. соч. С. 56.

² См. выше. С. 57.

³ Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Указ. соч. С. 222.

Таким образом, разграничение прямого и косвенного умыслов необходимо проводить как по волевому критерию, так и по критерию интеллектуальному как по дополнительному, самостоятельному и обязательному признаку для квалификации видов умыслов в правоприменении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Умысел является наиболее распространенной и опасной формой вины в уголовном праве.

Уголовное законодательство не закрепляет определение умысла, так же как и вины; термин раскрывается через содержание ее видов. Ввиду этого, представляется возможным охарактеризовать умысел следующим образом: умысел представляет собой осознание лицом характера и степени общественной опасности и уголовной противоправности своих действий (бездействий), определяющее положительно-волевое отношение к последствиям.

Деление вины на умысел и неосторожность, со всеми их разновидностями, на наш взгляд, достаточно условно и носит, скорее, сугубо оценочный характер, хотя законодатель закрепил эти формы вины в Главе 5 УК РФ. В практическом же плане провести четкую грань, например, между прямым и косвенным умыслом, пользуясь предложенной законодателем формулой: осознает – предвидит – желает (прямой умысел) либо осознает – предвидит – не желает, но сознательно допускает либо относится безразлично к наступлению последствий (косвенный умысел) – чрезвычайно сложно, а иногда и невозможно. Тем более, что ни в одной из конструкций составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ, нет никаких признаков-маркеров, позволяющих правоприменителю отличить прямой умысел от косвенного.

В настоящее время выделяют два вида умысла, которые приняты и закреплены в законодательствах почти всех стран мира. Это прямой и косвенный умысел.

Прямой умысел – явление распространенное. Однако вряд ли мы найдем такой состав преступления, в котором усматривается исключительно косвенный умысел. Помимо доведения до самоубийства, где, на наш взгляд,

все-таки речь идет о косвенном умысле, и то с известной долей дискуссионности, некоторые ученые видят только косвенный умысел.

Уголовный закон, в его материальной части, не предусматривает законодательного закрепления такого понятия, как косвенный умысел, не учитывает зависимости квалификации преступления, а также вида и размера наказания от совершения преступления с косвенным умыслом. Это закономерно ставит вопрос о целесообразности законодательного определения такой формы вины, как косвенный умысел, тем более что он имеет очень большое сходство с преступным легкомыслием как наиболее опасной формой неосторожной формы вины. В данной ситуации закономерно напрашивается вывод о либо:

- исключении из уголовного закона указания на косвенный умысел;
- внесении изменений в уголовный кодекс, касающихся указания на данную форму вину в конструкции ряда составов преступлений;
- издании постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации с разъяснением порядка учета прямого умысла при назначении наказания.

Первый вариант решения данной проблемы представляется на данный момент слишком радикальным, второй – технически трудно осуществимым в силу отсутствия единообразного подхода к делению умысла на прямой и косвенный. Остается уповать на третий вариант, как наиболее компромиссный и реальный.

Для того чтобы установить истинные причины преступного поведения личности, ученые и практикующие юристы стремятся определить мотив совершения того или иного деяния. Ведь именно благодаря характеру и специфике человеческой деятельности, связанным с такими характеристиками личности, как изобретательность и целенаправленность, предполагается возможным становление мотива как определяющего психического элемента субъективной стороны. Значение мотива для

определения субъективной стороны уголовных правоотношений стоит рассматривать в зависимости от его сферы и источников толкования.

Мотив выполняет точные функции в определении субъективной стороны, такие как:

1) составообразующая функция, заключающаяся в образовании основного, квалифицированного либо привилегированного состава преступления;

2) функция, влияющая на назначение уголовного наказания; она образует обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, а также исключительные смягчающие обстоятельства, позволяющие применить положения статьи 64 УК РФ;

3) функция, оказывающая влияние на исполнение уголовных наказаний; она позволяет дифференцировать и индивидуализировать процесс исполнения уголовного наказания для каждого человека, нарушившего закон.

Из представленных направлений деятельности мотива был сделан вывод о том, что он выделяет желание как обязательный компонент действий правонарушителя, который находит свое отражение в определенной формулировке достигаемого результата.

Помимо названного деления умысла на прямой и косвенный, в теории и практике уголовного права имеют место и иные классификации видов умысла.

Вина как неотъемлемый элемент преступления определяется внутренним психическим отношением к совершенному деянию, в связи с чем процесс ее установления вызывает определенные сложности, которые уже на протяжении длительного времени становятся поводом для оживленных дискуссий в научном мире.

Однако, несмотря на большое количество научных работ в данном направлении, определенного консенсуса по установлению вины при совершении преступления ученые до сих пор не достигли. В связи с этим

было высказано несогласие с опасением ряда ученых по поводу отступления от принципа субъективного вменения в результате секвестирования категории «заведомость» в конструкции составов преступлений Особенной части УК РФ.

Таким образом, исследование умысла не теряет свое актуальности до настоящего времени. Более того до сих пор остается немало дискуссионных вопросов в данной области, которые требуют дальнейшего осмысления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РАЗДЕЛ 1 НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ИНЫЕ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ АКТЫ

- 1 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
- 2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- 3 Письмо ФНС России «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с «Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России) от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 4 Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
- 5 Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г.) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.
- 6 Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
- 7 Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (вместе с Основами

законодательства) от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

РАЗДЕЛ II ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 Демидов, Ю.А. Умысел и его виды по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.А. Демидов. М., 1964. 16 с.
- 2 Дядюн, К.В. Проблемы толкования и применения критерия «заведомость» при квалификации убийств / К.В. Дядюн // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 86–95.
- 3 Епихин, А.Ю. Проблемы исключения признака заведомости из диспозиций отдельных составов преступлений на основании Закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ / А.Ю. Епихин // Российский следователь. 2013. №14. С. 12–15.
- 4 Есаков, Г.А. Осознание возраста потерпевшего лица в половых преступлениях: позиция судебной практики / Г.А. Есаков // Уголовное право. 2011. № 6. С. 15–17.
- 5 Злобин, Г.А. Умысел и его формы: монография / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. М.: Юридическая литература, 1972. 260 с.
- 6 Игнатов, А.Н. Уголовное право России: учебник / А.Н. Игнатов. СПб.: Питер, 2019. 560 с.
- 7 Кейдунова, Е.Р. Понятие и виды аффектов / Е.Р. Кейдунова // Философия права. 2017. № 4. С. 35-42.
- 8 Козлов, А.П. Понятие преступления: монография / А.П. Козлов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2017. 819 с.
- 9 Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений: учебное пособие / В.Н. Кудрявцев. М.: Юрист, 2004. 304 с.
- 10 Курс уголовного права. Особенная часть: учебник / под ред. Г.И. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. 480 с.
- 11 Мельниченко, А.Б. Уголовное право: учебник / А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский. М.: Юрайт, 2020. 469 с.

- 12 Наумов, А.В. Российское уголовное право: учебник / А.В. Наумов. М.: БЕК, 2016. 560 с.
- 13 Немчинов, Е.В. Эволюция законодательного представления о понятии умысла / Е.В. Немчинов // Молодой ученый. 2018. № 12. С. 215–217.
- 14 Никифоров, Б.С. Об умысле по действующему законодательству / Б.С. Никифоров // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 26–36.
- 15 Паньков, И.В. Умышленная вина по российскому уголовному праву: теоретический и нормативный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Паньков. СПб., 2016. 25 с.
- 16 Полный курс уголовного права: учебник / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 682 с.
- 17 Потапов, Д.П. Содержание интеллектуального момента умышленной вины: дис. ... канд. юрид. наук / Д.П. Потапов. Волгоград, 1992. 127 с.
- 18 Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие / А.И. Рарог. М.: Проспект, 2008. 218 с.
- 19 Сверчков, В.В. Уголовное право: учебник / В.В. Сверчков. М.: Юрайт, 2020. 702 с.
- 20 Селезнев, М.В. Умысел как форма вины / М.В. Селезнев // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 11–12.
- 21 Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: курс лекций / Н.С. Таганцев. М.: Наука, 1994. 380 с.
- 22 Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие / под ред. И.А. Подройкиной. М.: Юрайт, 2021. 266 с.
- 23 Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. М.: Юрайт, 2020. 299 с.
- 24 Уголовное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. В.В. Векленко. М.: Юрайт, 2020. 500 с.
- 25 Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: Юрайт, 2019. 650 с.

- 26 Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2018. 539 с.
- 27 Уголовное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Юрайт, 2019. 369 с.
- 28 Уголовное уложение 1903 года: правовой акт. СПб.: Сенатская типография, 1903. 144 с.
- 29 Чанышев, Д.А. Вопросы дифференциации вины в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Чанышев. Владивосток, 2019. 27 с.
- 30 Чельцов, М.А. Спорные вопросы учения о преступлении / М.А. Чельцов // Социалистическая законность. 1947. № 4. С. 7–9.

РАЗДЕЛ III ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ И МАТЕРИАЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

- 1 Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» от 27 мая 2003 г. № 9-П // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» от 5 июня 2002 года № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.
- 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» от 26 ноября 2019 года № 48 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

- 4 Определение Верховного Суда РФ от 28 мая 2020 г. № 05-ЭС19-16064 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 5 Кассационное определение Омского областного суда от 31 мая 2012 г. по делу № 22-2092/12 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 6 Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 11 апреля 2017 г. по делу № 22-605/17 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 7 Апелляционный приговор Свердловского областного суда от 25 мая 2018 г. по делу № 22-4001-18 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 8 Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 4 марта 2019 г. по делу № 22-341/19 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 9 Апелляционное определение Тверского областного суда от 12 марта 2019 г. по делу № 22-357/19 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 10 Апелляционное определение суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 22 августа 2019 г. по делу № 22-828/19 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).
- 11 Приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 12 ноября 2019 г. по делу № 1-371/2019 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 09.12.2020).
- 12 Приговор Башмаковского районного суда Пензенской области от 22 ноября 2019 г. по делу № 1-63/2019 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 09.12.2020).
- 13 Апелляционное определение Ростовского областного суда от 13 января 2020 г. по делу № 22-3/20 // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 10.02.2021).

- 14 Обзор практики Верховного суда Российской Федерации за 2018 год // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 30.03.2021).
- 15 Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за 2020 год // СПС ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 30.03.2021).